

А.Ф.Билль
[Из воспоминаний]

О Кирилле Флоренском я узнала из разговора с моей подругой Александрой Ивановной [Осиповой].

С Шурой Осиповой мы учились вместе в Сибири, в городе Омске, в школе, бывшей 2-й женской гимназии, позже носившей имя последовательно Троцкого, Достоевского, Толстого и, наконец, «школа им. Сталина», которую мы и окончили в 1931 году. Близкие подруги, мы надолго расстались, потеряли друг друга и неожиданно встретились в Москве (где-то в середине 30-х годов), неподалеку от Сретенского бульвара.

Неожиданность и радость встречи вылились в торопливый и сумбурный разговор, обмен вопросами–ответами.

— Ты в Москве?

— В Москве.

— Временно?

— Постоянно.

— Я учусь!

— И я учусь, поступила в Геологоразведочный.

— А я — в Институт изобразительных искусств.

— У нас так замечательно!

— У нас так интересно!

— А какие учителя!

— У нас — Вернадский!

— А у нас — Фаворский!

— Мои теперешние соученики, мои друзья — Маша Голицина, Кирилл Флоренский.

— А мои — сестры Родионовы, Никита Фаворский...

Так я впервые узнала о Кирилле Павловиче Флоренском, тогда просто Кирилле, Кире... Тогда я не имела ни малейшего представления о значительности и неповторимости семьи и имени «Флоренские», раскрывшиеся мне много позже...

Удивительным показалось только то, что близкие нам, подругам, новые друзья, оказались друзьями между собой. Об этом я узнала тоже много позднее.

Никита Фаворский часто спрашивал меня о Сибири, я ответно его о Загорске, где в это время жила семья Фаворских.

Однажды Р. пригласил меня приехать к ним. Это было начало лета 37-го года. С Никитой и его младшим братом Ваней мы пошли посмотреть Лавру.

С Пионерской улицы самый красивый вид на нее. Ряд небольших домиков односторонне строят улицу. В одном из них жила семья Флоренских. Никита предложил зайти туда, добавив: «Кирилл — мой лучший друг». Так я оказалась в доме Флоренских, ничего не зная ни о Павле Александровиче, ни о близости его с В.А.Фаворским, ни о совместной работе их во Вхутемасе, который к этому времени был «разогнан» и осколком которого стал наш «книжный факультет», в котором преподавал Фаворский и, естественно, не торопился своим новым студентам рассказывать о драматических событиях недавнего прошлого и настоящего...

В «домике» Флоренских меня поразило все простотой и самобытностью. И стен, и обитателей. Мама — широколицая, в широкой несовременной одежде, дети — круглолицые, плотные, в доме — бревенчатые стены, невысокие потолки, минимум обстановки. Сестра Кирилла, Оля, знакома была мне по портрету В.А.Фаворского, он рисовал ее маленькой девочкой, как и своих детей — создав целый круг замечательных детских портретов.

Сам Кирилл, тогда восемнадцати- или девятнадцатилетний юноша, с крупными чертами лица, плотной фигурой — отличался загаром или природной смугловатостью.

Простотой обхождения обитатели дома быстро победили мое смущение, мне стало просто, как в давно знакомой семье. Мы решили побродить в окрестностях Загорска, в ближайших лесах.

Дорогами и тропами прошли немало, пили воду из болотца, прыгали через канавы, пробирались через заросли. Я старалась не отставать от мальчиков, любивших хорошо знакомый лес. К вечеру вышли к станции, может быть, Хотьково. Меня посадили в поезд, ехавший в Москву, а сами мальчики отправились в Загорск...

Позже Никита часто передавал мне «приветы» от Кирилла, а однажды — просьбу подарить мою, увиденную у Никиты, цветную гравюру, понравившуюся ему. Я с радостью, польщенная вниманием, отправила ему крымский пейзаж с фигурами на переднем плане. Спокойный и, мне кажется,

монументальный. Тогда я «для себя открыла» Александра Иванова, и небольшое влияние этого замечательного художника было Кириллу близко.

Друзья Кирилл и Никита — внешне такие разные, разные по избранной ими профессии, — были очень близки в своих вкусах и привязанностях. В любви к людям, в необыкновенном внимании к ним, к природе, да и к другим проявлениям жизни, в интересе к ней, любознательности и глубине постижения.

Их обоих отличала ранняя мудрость, искренняя и органичная. Интерес и постижение мира данного и существующего, как бы заданного, принятие его и радость от всего природного и гармоничного.

Интерес, направленный как бы вне себя; им не важна была ни обстановка, ни одежда, ничего внешнего. Но к себе — высокая требовательность — и напор в исполняемом деле.

Так возникла идея совместной поездки Кирилла и Никиты в Забайкалье: Кирилла — в экспедицию, Никиты — на летнюю художественную практику.

Путь по железной дороге тогда был долгим. И только на четвертые сутки поезд пересекал реку Иртыш. О ней Никита знал из моих рассказов и, вспоминая как они с Кирой переезжали Иртыш, не обошел вниманием ни города вдали (Омск), ни островов на реке, ни отмелей, ни яхт на воде, ни прибрежного строительства, ни элеватора на левом берегу. Я с благодарностью слушала воспоминания об этом.

Позже я рассматривала рисунки и наброски Никиты и замечательную гравюру, сделанную на материале этой поездки как память о совместной работе и жизни, еще больше сблизившей друзей.

Сейчас трудно представить, как сложилась бы жизнь этих замечательных молодых людей... Но началась война. Оборвавшая все. Оборвавшая и саму жизнь Никиты и Вани Фаворских...

А Кирилл вернулся с войны. Увлеченно занялся работой в институте В.И.Вернадского. Во время войны великий ученый письмами поддерживал своего ученика. Много позже часть этих писем была опубликована в газете, являя собой пример высокого духа, мудрости и веры.

После войны мы встретились на выставке Никиты. Вспоминали о нем, о годах учебы и условились встретиться, как позволят дела, у меня с Шурой и Кириллом. У всех работа, заботы, семья, неотложные поездки. И эта встреча не состоялась.

Но была другая. Кирилл позвонил мне с просьбой сделать гравюру к памятным дням В.И.Вернадского. Кирилл, «совсем взрослый», увлеченный продолжатель дела Вернадского, показал его кабинет, фотографии, личные вещи ученого, пытался помочь мне в предстоящей работе.

Я не до конца понимаю значительность их грандиозного дела, даже не знаю о предполагаемом полете на Луну, на Венеру. Видимо обязательность секретности удерживает Кирилла от такой информации. Внимание мое сосредоточивается на внешних предметах, фотографиях, лампе, кусках породы. Из фотографий я выбираю ту, где В.И.Вернадский сидит, облокотясь, в своем кабинете.

Объективно, это — темноглазый, красиво-седой, старый, хорошо сохранившийся человек. Вся глубина, исключительность и значимость этого ученого как-то остается «за...» видимым. Я граввирую портрет в несколько «объективистской» манере 50-х годов. Потом я всегда испытывала укор совести, что не смогла подняться в раскрытии образа, понять величие и масштабность этих замечательных людей — Кирилла Павловича Флоренского и его учителя — Владимира Ивановича Вернадского.

Большое видится на расстоянии. Тогда это были просто Кирилл и его учитель Владимир Иванович. В институте гравюру приняли без замечаний, но это не изменило основного чувства неудовлетворенности от сделанного.

С Кириллом опять говорили о встрече. И опять — те же помехи, те же вызвавшие их причины. И еще большая занятость и серьезность работы...

В 1982 году в доме художников на Кузнецком был вечер из цикла «забытые имена». Эти имена были не столько забыты, сколько запрещены. Вечер посвящался Раисе Александровне Флоренской — удивительному художнику-живописцу, окончившей Вхутемас в годы его расцвета, когда там преподавали близкие по духу и дружившие Павел Александрович Флоренский и Владимир Андреевич Фаворский.

Замечательная художница трудной судьбы представлялась живыми, искренними, напряженными работами, наполненными особыми духовностно богатыми колористическими находками — редким качеством нашего времени. Раиса Александровна была сестрой Павла Александровича.

Собралось много народа. Среди них был и Кирилл. Мы потянулись друг к другу с обычным интересом, с желанием узнать «кто ты сейчас?», с вопросами,

ответами и словами Киры: «Теперь у меня больше свободного времени, теперь ничего не помешает нашей встрече. Буду звонить».

Через короткое время в большом зале того же Дома художников на Кузнецком отмечалось 100-летие Павла Александровича Флоренского (тогда только что приоткрытого широкой массе и уже хорошо знакомого, близкого многим художникам богослова и философа). Кирилла на этом вечере не было. Узнаю — он заболел, а позже — он умер 9 апреля 1982 года. Так рано, так неожиданно и так «решительно»...

Это была последняя, неотвратимая причина, помешавшая нашей так и не состоявшейся встрече.

Но и случайные пересечения жизненных дорог с такой личностью как Кирилл, оставляют глубокий след своей неповторимостью, оставляют глубокое впечатление от стиля человека, его окружения, его манеры жить и работать, общаться — даже мимолетное, случайное сделать глубоким, серьезным, значительным.